

Церемония подписания договора между группой HS и компанией Шэнфан Био была назначена на вторую половину пятницы. Гао Ту приехал на площадку за полчаса до начала, чтобы проверить оборудование, но в коридоре наткнулся на Шэнь Вэньлана и Шэн Шаою, которые стояли друг против друга в напряженном противостоянии.

Аромат горького апельсина, словно взорвавшаяся кожура цитруса, ударил в нос резкой кислотой. Шэн Шаою постучал костяшками пальцев по лацкану пиджака Шэнь Вэньлана:

— Слышал, ты поселил Хуа Юна у меня дома? Хочешь внедрить шпиона?

Его феромоны застыли в воздухе мелкими ледяными кристаллами, каждый из которых поблескивал вызовом.

Серебристо-серый аромат Шэнь Вэньлана мгновенно выпустил острые шипы. Запах пряного ладана был настолько удушливым, что стоявший рядом секретарь невольно поморщился.

— Господину Шэну лучше сперва побеспокоиться о таргетной терапии для своего батюшки, — Шэнь Вэньлан слегка склонил голову, и его взгляд скользнул по Гао Ту, прятавшемуся за колонной. — В конце концов, препараты HS не каждому по зубам.

— Да ты, твою мать... — феромоны Шэн Шаою резко пошли в рост, запах горького апельсина, смешанный с гневом, стал невыносимо резким.

Гао Ту машинально отступил на полшага назад и ударился поясницей о холодный ящик с огнетушителем. Только сейчас он вспомнил университетские слухи: Шэнь Вэньлан и Шэн Шаою сцепились еще на дебатах первокурсников. Говорили, что тогда тема была о том, стоит ли регулировать феромоны альф, и двое спорщиков едва не подрались прямо на сцене.

— Господин Шэнь, господин Шэн, время подписания подошло.

Хуа Юн подошел мягкой походкой, и аромат ночной орхидеи, словно мягкая подстилка, сгладил искрящийся от напряжения воздух. Он естественно встал рядом с Шэнь Вэньланом, кончиками пальцев едва заметно коснувшись его запястья.

— Секретарь Гао, оборудование готово?

Гао Ту перевел взгляд на место, к которому прикоснулся Хуа Юн, и судорожно сглотнул:

— Вс-все готово.

Он уже хотел уйти, но Шэнь Вэньлан окликнул его.

— Подойди сюда.

Голос альфы звучал как не терпящий возражений приказ. Серебристо-серый аромат, подобно гибкой цепи, мягко обвился вокруг его запястья. Гао Ту был вынужден встать между ними, чувствуя себя зажатым между льдом и пламенем: слева — холодный горький апельсин Шэн Шаою, справа — жгучий ладан Шэнь Вэньлана. Две стихии сталкивались у него над головой,

высекая трескучие искры.

— Помоги мне с зажимом для галстука.

Шэнь Вэньлан расстегнул пуговицу пиджака, обнажая воротник рубашки. Пальцы Гао Ту едва коснулись маленького платинового аксессуара, как он услышал насмешливое фырканье Шэн Шаою:

— Шэнь Вэньлан, до чего ты докатился, если просишь секретаря поправлять твой вид? Или у тебя со зрением проблемы, и ты не видишь, что галстук кривой, как дождевой червь?

Шэнь Вэньлан не обернулся, лишь прижал дрожащую руку Гао Ту к себе:

— Это все же лучше, чем некоторые, кто даже не понимает, чем от них пахнет.

Он поднял глаза на Шэн Шаою, и его губы изогнулись в издевательской усмешке:

— В прошлый раз на банкете уборщица приняла твой апельсиновый запах за пролитое средство для чистки унитазов. Она полчаса поливала все дезинфектором, прежде чем поняла, что это живой человек.

— Ты нарываешься!

Феромоны Шэн Шаою резко нахлынули, неся в себе характерное для альфы давление. Гао Ту внезапно почувствовал острую боль в затылке, и аромат голубого шалфея неконтролируемо вырвался наружу, словно разорванная штормом синяя ткань.

— Достаточно.

Серебристо-серый аромат Шэнь Вэньлана мгновенно выстроил высокую стену, отсекая запах апельсина. Он склонил голову к человеку в своих объятиях, который едва держался на ногах, и его тон резко изменился:

— Плохо себя чувствуешь?

Гао Ту покачал головой, но, подняв взгляд, утонул в зрачках Шэнь Вэньлана. В них больше не было насмешки — только бурлящий серебристо-серый океан, похожий на небо перед грозой. Этот взгляд напомнил ему дождливый день на третьем курсе: он упал у входа в библиотеку, его принадлежности для рисования рассыпались по земле, и тогда точно так же, сквозь дождевую завесу, на него смотрели эти глаза.

В середине церемонии Гао Ту под предлогом похода в туалет спрятался в пожарном выходе. Он сполз по холодной стене на пол и вытащил из кармана припрятанную упаковку подавителей. Пальцы только коснулись фольги, как сверху послышались шаги.

— Опять тайком принимаешь?

Голос Шэнь Вэньлана прозвучал над головой. Гао Ту в панике запихнул таблетки в карман

брюк и, подняв голову, увидел, что тот смотрит на него сверху вниз. Серебристо-серый аромат наполнял лестничную клетку, неся в себе нотки едва уловимой тревоги.

— Господин Шэнь, почему вы здесь?

— Смотрю, не собирается ли кое-кто опять играть в героя.

Шэнь Вэньлан сел рядом с ним, подол его пиджака коснулся пола и припал пылью. Гао Ту впервые видел Шэнь Вэньлана настолько небрежным — словно орех, с которого содрали изысканную скорлупу, обнажив теплую сердцевину.

— Я в порядке.

Гао Ту отвернулся, но Шэнь Вэньлан взял его за подбородок и повернул лицо к себе. Кончики пальцев альфы, огрубевшие от работы, коснулись губ Гао Ту, и он услышал, как бешено заколотилось его собственное сердце.

— Тот преподаватель, который учил тебя рисовать в университете, все еще работает там? — внезапно спросил Шэнь Вэньлан.

Гао Ту опешил:

— Откуда господин Шэнь знает, что я учился рисовать?

Кончики ушей Шэнь Вэньлана слегка покраснели, он отвел взгляд в сторону окна:

— Однажды проходил мимо художественного корпуса и увидел, как ты застыл перед мольбертом.

Он помолчал, и его голос стал тише:

— Тот твой рисунок, Дождливый день, позже повесили в коридоре учебного корпуса.

Сердце Гао Ту словно кто-то толкнул. Эту картину он написал на третьем курсе: на ней был изображен юноша в белом, стоящий под дождем и сжимающий в руках бумажный самолетик, промокший от воды. Он всегда думал, что никто не обратил внимания на тот рисунок, но не ожидал, что Шэнь Вэньлан не только заметил его, но и запомнил.

— Господин Шэнь, должно быть, обознался.

Он опустил голову, скрывая волнение. В те времена Шэнь Вэньлан был любимцем судьбы, его всегда окружала толпа людей, как он мог заметить кого-то в углу?

Шэнь Вэньлан больше ничего не сказал, лишь достал что-то из кармана и вложил ему в ладонь. Это был искусно сложенный бумажный самолетик, на крыле которого серебряными чернилами была выведена крошечная буква.

— Это...

Дыхание Гао Ту перехватило. Это был тот самый самолетик, который он нашел на втором этаже библиотеки на третьем курсе. Он помнил этот почерк долгие годы и даже тайком перерисовывал его бесчисленное количество раз.

— В тот день дул сильный ветер, и самолетик улетел не туда.

Голос Шэнь Вэньлана был очень тихим, будто он боялся спугнуть мгновение.

— Я хотел...

Он не договорил, лишь посмотрел на самолетик в руках Гао Ту. Серебристо-серый аромат между ними стал мягким, как расплавленное серебро.

Дверь пожарного выхода отворилась, и заглянул Хуа Юн:

— Господин Шэнь, господин Шэн ищет вас.

Его взгляд задержался на руках, которые держали друг друга, и уголки губ поползли вверх в многозначительной улыбке:

— Сказал, что хочет обсудить с вами искусство аромата жженого дерева, похожего на средство для чистки унитазов.

Шэнь Вэньлан встал и поправил пиджак:

— Передай ему, что меня не интересуют дешевые ароматизаторы.

Он посмотрел на Гао Ту:

— Самолетик... оставь себе.

Гао Ту сжимал бумажный самолетик в руке, глядя на уходящие фигуры Шэнь Вэньлана и Хуа Юна. Аромат ночной орхидеи, переплетенный с ладаном и ирисом, напоминал гармоничную картину маслом, а самолетик в его руке казался случайно капнувшей синей краской — неуместной и лишней.

Вечером, после сверхурочной работы, Гао Ту ждал такси на подземной парковке и увидел машину Шэнь Вэньлана, припаркованную неподалеку. Стекло опустилось, обнажая четкий профиль альфы:

— Садись.

— Не нужно, господин Шэнь, я сам...

— Садись, — повторил Шэнь Вэньлан с тоном, не терпящим отказа.

Гао Ту помедлил несколько секунд, открыл дверь и сел на пассажирское сиденье. Серебристо-серый аромат заполнил салон, смешиваясь с легким запахом кожи, и это странным образом

успокоило его.

Как только машина выехала с парковки, они увидели автомобиль Шэн Шаою, стоящий у обочины. Хуа Юн стоял у окна и что-то говорил, выражение лица Шэн Шаою выглядело беспомощным, но аромат горького апельсина, казалось, был вымочен в теплой воде, утратив свою резкость.

— Они подходят друг другу, — тихо сказал Гао Ту, словно разговаривая сам с собой.

Руль в руках Шэнь Вэньлана резко дернулся, машина едва не задела ограждение. Он нажал на тормоз и повернулся к Гао Ту:

— Ты так считаешь?

Гао Ту испугался этого взгляда:

— Секретарь Хуа очень красив, господин Шэн тоже выдающийся человек...

— Я спрашиваю о тебе, — голос Шэнь Вэньлана стал низким, серебристо-серый аромат забурлил в салоне. — Ты считаешь, что они подходят друг другу?

У Гао Ту пропустило удар сердце, он не смел смотреть ему в глаза:

— Я... я не знаю.

Шэнь Вэньлан больше не проронил ни слова и снова завел машину. До самого дома Гао Ту они ехали в тишине. Лишь когда они почти подъехали, он внезапно произнес:

— На тех дебатах в университете я был против него не из-за спора.

Сердце Гао Ту вдруг наполнилось чем-то теплым. Оказывается, те дебаты нужны были Шэнь Вэньлану не ради победы над Шэн Шаою, а чтобы... Он не осмелился думать дальше, глядя на пролетающие мимо уличные фонари, и тихо ответил:

— Я понял.

Машина остановилась у дома. Гао Ту отстегнул ремень безопасности, собираясь выйти, но Шэнь Вэньлан удержал его. Альфа достал с заднего сиденья бумажный пакет:

— Для Гао Цина.

Внутри были импортные фрукты и витамины — упаковка была такой изысканной, что сразу было ясно: стоят они целое состояние. Гао Ту хотел отказаться, но услышал:

— Не ставь меня в неловкое положение.

Серебристо-серый аромат мягко коснулся его запястья, словно ластясь.

— Спасибо, господин Шэнь.

Он взял пакет, и, открывая дверь машины, услышал, как Шэнь Вэньлан бросил вдогонку:

— Завтра не опаздывай.

Гао Ту кивнул и вошел в подъезд. Он не обернулся, поэтому не увидел, что Шэнь Вэньлан продолжал смотреть ему вслед. Лишь когда дверь закрылась, в серебристо-сером аромате проступила едва уловимая печаль.

Вернувшись домой, Гао Ту убрал фрукты в холодильник, но на дне бумажного пакета нащупал твердый блокнот. Открыв его, он увидел внутри сплошные наброски — все они изображали одну и ту же сцену: платан перед художественным корпусом, библиотеку в дождливый день и юношу в белой рубашке, который всегда сжимал в руке бумажный самолетик.

На последней странице был нарисован крошечный силуэт, подбирающий с земли принадлежности для рисования, а рядом серебряными чернилами была сделана надпись: «В тот день дождь был слишком сильным, не осмелился подойти».

Пальцы Гао Ту коснулись этих строк, и слезы внезапно покатались из глаз. Он всегда думал, что его безответная любовь была лишь одиноким монологом, но не ожидал, что где-то, о чем он и не догадывался, кто-то другой точно так же с помощью кисти тихо записывал его юность.

В этот момент зазвонил телефон — пришло сообщение от Хуа Юна: «Секретарь Гао, материалы к завтрашнему совету директоров — господин Шэнь просит вас приехать в компанию на полчаса раньше, чтобы подготовиться».

Гао Ту вытер слезы и ответил коротким «хорошо». Он убрал блокнот в ящик стола и запер его, глядя в окно: машина Шэнь Вэньлана все еще стояла внизу. Серебристо-серый аромат, словно тонкая вуаль, окутывал черный автомобиль, а вместе с ним и его собственное, охваченное хаосом сердце.

Возможно, эта безответная любовь, начавшаяся еще в университете, вовсе не была только его историей.

<http://bllate.org/book/24073/2768607>